

Картошка в мундире

Мать могла защитить их только своими руками и телом

КОМАНД - ОЛЬГА ГАВРИЛОВА

ВАСИЛИЙ уходил медленно, мучительно. Перед ним то и дело всплывали образы тех, кого он когда-то знал. Одних он помнил, других вспоминал с трудом.

В ереница лиц кружилась перед ним, то приближаясь, то растворяясь в воздухе. Он медленно поворачивался на бок, с трудом опускал ноги на пол. Так сидел, пока не проходили круги перед глазами. И только потом, опершись на палку, поднимался. Боль разливалась по всему телу. Медленным шагом он брел на кухню, где невестка каждое утро оставляла на столе стакан молока и булочку.

Он вспомнил, как с матерью и двумя братьями собирал на поле колоски. Осенний холод пробирал до костей. Легкие ситцевые штанишки колыхались на тонких ногах от малейшего дуновения ветра. Босые ноги в жестких калошах были синюшного цвета. Мать повязывала им на голову старые платки. Обязанные вокруг головы и тела, они хоть каплю, но согревали пацанят.

В один вечер они пошли собирать остатки картошки. Картофель давно убрали, а после прошли коровы, выбирая оставшиеся клубни. Но мать знала,

что если хорошенько порыть, то можно найти обрезки и то, что не нашли коровы. Сырая слякотная земля скользила под ногами мальцов.

Копашась в земле, они не заметили, как к полю подъехала телега. Лошадь под натянутыми вожжами остановилась. С телеги прыгнул Митрич – мужик в толстой телогрейке, шапке-ушанке и хромовых сапогах. Подойдя сзади, он взмахнул над головой кнутом. Кнут, сделав в воздухе петлю и щелкнув, опустился на спину матери. Пацанята отскочили в сторону.

– Воровать!

– Да ты что, Митрич, бойся Бога, – запричитала мать, – что тут воровать, земля одна.

– Так вам дай волю, вы и землю жрать будете.

– А ну, что там у вас? – он потянул мешок у Василия.

Открыв его, Митрич ухмыльнулся. Перевернул и высыпал на землю содержимое. Куски порезанной, зеленой, промерзлой картошки посыпались на землю.

– Я ж говорю, воруют. Недобитки. Мальчишки сгрудились в кучу. Мать подошла к ним и обняла руками. Как

птица, укрывая своих птенцов от коршуна, она могла защитить их только своими руками и телом. Кнут опять описал в воздухе петлю и лег на всех четверых. Младший заплакал.

– Не реви, – шептал Василий, – нам не положено, помни, что батя говорил...

Младший сглотнул колющий комок. «Где он, батя, где, – стучало в голове, – как ушел с мужиками искать работу, так и нет, давно уж нет». А мать все оттирает отцовы сапоги да вытряхивает фуфайку. И одно твердит: «Вот вернется папка, а все чистое, все свежее».

И краешком платка вытирает слезы.

– Что же ты ребятишек-то щелкаешь, ирод. Забьешь ведь. – Мать, не мигая, глядела на Митрича.

– А чтоб знали, за воровство наказывают.

Он демонстративно растапывал картошку.

Видения прошлого пропали. Василий подсел к столу, бережно отставляя руками ногу в сторону. От небольшого толчка боль разливалась так, словно в ногу вонзались тысячи иголок. Щел-

Незабываемый вкус молока напомнил далекое детство

кнул замок. Вошла невестка. Достала из-под рукомойника ведро и высыпала из мешка картошку. Клубни звонко посыпались в ведро.

– Не мерзлая? – спросил он.

– Нет, ты что, дед, она ж из погреба.

– Вот и хорошо. Хорошо, что с погреба.

Невестка деловито подмела пол, свернула мешок. Он наблюдал за ней, а мыслями уносился в дальние годы. Так же ловко мама хлопотала по хозяйству. Из ее рук никогда ничего не падало, не разбивалось. И лишь раз у нее из рук выпал кувшин с парным молоком. Она только подоила корову и несла молоко пацаньятам. Войдя в дом, она увидела, как высокий, худой мужик, с бритой головой и щетиной держит на руках младшего. А два старших обнимают его за руки, прижимаясь исхудавшими телами.

– Коля... – только и смогла вымолвить она.

Крынка выпала из слабеющих рук, ноги подкосились, и она тихо осела на пол. Отец подбежал к ней и, подняв на руки, понес к лавке возле печки. Молоко разлилось по полу, кое-где оставаясь в черепках разбитой крынки...

Василий протянул руку к стакану, отхлебнул. Задержал молоко во рту, пытаясь вспомнить вкус парного. Проглотив, он отпил еще, потом еще, еще и еще. И видимо нащупав во рту тот незабываемый вкус, заулыбался, как младенец. Молоко тонкими струйками потекло по подбородку, оно капало на ворот рубахи, оставляя мутные пятна. Отставив стакан, он попросил невестку:

– Сегодня утром Пашка заходил, он там, в сенах, капусты кислой оставил. Принеси, Катя.

Невестка застыла с полотенцем в руках.

– Дед, ты чего, Павел не мог прийти утром, он далеко. Он в Иране, у него там работа... – она запнулась. – Катя – это кто? – робко спросила она.

– Катя, моя Катя, жена моя, – он смотрел на невестку веселыми детскими глазами.

– Бабы Кати нет...

– Ушла, значит, скоро будет.

– Дед, баба Катя уж 12-й год как умерла.

Невестка прижала ладонь ко рту, подавляя тяжелый вздох.

– Да, вот еще, Митричу скажи, чтоб Ванька его у нас возле забора не пакостил и доски не выламывал. А то

вишь, повадился. Я не посмотрю, что он младше меня, так набудыряю. И Мишка вчера в кино звал. Говорил, картину новую привезли. Вот Миша вернется и сходим.

Невестка молча кивала головой. Потом тихо рассказывала ему о том, что Михаил уже лет 20 живет в Берлине, что Павел прочно осел на заводах в Азии. А Иван, Иван давно спился и побирался по домам, перебиваясь мелкой работой. И отец его, Митрич, тот, что поясал когда-то малых ребят с матерью кнутом, уже давно на погосте. Не вынес он позора от сына, который, напившись, гонял старика по дому. А если Митрич успевал увернуться, то ночевал в сарае зимой и летом. Никто особенно его не жалел, все помнили его кнут и надменную улыбку. Недопитое молоко в стакане светилось под лучами весеннего солнца. Василий сжал руки, булка белыми крошками сыпалась на пол. Он вдруг начал осознавать, что все, кого он помнил, знал, любил и ненавидел, ушли. Ушли все в свой черед. И только он еще задержался здесь.

– Дед, пойдем, я помогу тебе лечь.

– А зачем? – Он смотрел на нее, не мигая.

Его глаза увлажнились, тонкий шрам на щеке стал багровым от напряжения. Россыпь морщинок на лице то сжималась, то растягивалась.

– Значит, нет никого?.. – он помолчал.

– Нет никого, говоришь.

– Почему же, дед Павел и дед Михаил живы, только они далеко, работают. Вот на днях письмо от деду Миши пришло. Я читала тебе.

– Да, было письмо, припоминаю что-то. Живы они, значит? Ну и дай Бог, дай Бог. Они еще малые совсем. Мишка все рукавицы теряет. Ты следи за ним...

Он вздохнул, возвращаясь в реальность.

– Ты вот что, на улицу меня проводи. Подышать хочу, воздуха хочу. И картошки свари, в мундире.

– Да я почищу.

– В мундире я сказал, чтоб подмерзлой была, сладкой.

Выйдя на улицу, он глубоко вдохнул в себя весенний воздух. Тепло разлилось по всему телу. И только ноги никак не могли согреться.

Три дня Василий все расспрашивал у невестки про всех бывших знакомых. Что-то рассказывал и сам.

Могила на кладбище копал Иван. Он долго кряхтел над мерзлой землей, потел, уставал. Но звать сподручных не стал. Делиться копеечкой было ему не с руки.

Михаил с Павлом подросли к выносу. Они задумчиво смотрели на белое лицо старшего брата, на тонкий шрам через всю щеку. А вечером ели сладкую отварную картошку в мундире ☹

ТАТЬЯНА РОДИОНОВА

Прошлый путь обратно не пройти...

Яна ГАЛИЦКАЯ

В ответе за жизнь

Ни сном, ни льдом опять сегодня
не согреться,
А за спиной уже прошел
мгновением час,
Сложней всего прожить
израненному сердцу,
Стремящемуся вновь стереть
с души печаль.

Пусть за окном сейчас
колышет серый ветер
Вчерашние мечты, вплетенные
в рассвет,
Мы каждый за себя...
И за себя в ответе
Пытаемся всегда мы свой
оставить след –

На выжженном огнем,
испепеленном небе,
На ветреной меже
вчерашнего пути,

И ночью чернота окутывает
небыль,
И прошлый путь уже обратно
не пройти...

И потому опять грустить
сегодня сердцу,
Но вспыхнет от звезды
уставшая свеча,
И ночь меня простит,
позволив мне согреться,
Своим живым огнем
коснувшись невзначай.

Воспоминаний свет вдруг
ляжет тенью на пол,
Останутся гореть и свечка, и душа,
К утру растает все,
и мир погасит знаки,
Дарующие свет,
и к жизни новый шанс...

* * *

Я – тишина,
Распластанная где-то,

Я – лишь луна,
Что тенью звезд согрета.

Я – просто ночь,
Что скрыла вас от снега,
Я – лишь окно,
Куда так рвется небо...

Разлука

Вновь ложится туман.
Нам не видно друг друга,
Наш единый обман
Замыкает два круга.

Две души, две судьбы,
Сквозь иллюзию света,
И не хочется быть
Нам осколками лета.

А при свете свечи
Расставаться не больно,
Верь, что сердце кричит
Чаще все-таки больно....

Екатерина САВЧЕНКО

Свет

Глаза открываю и вижу я свет,
И лучше, чем свет, ничего
больше нет.

Свет дарит нам жизнь
и дарит нам мир,
Пронзая печаль обычных квартир,

Свет радует глаз и дарит цветы,
Без света меня не радуешь ты.

Лидия ШУТОВА

* * *

Годы шальные мне вслед
не машите,
Прошу вас умерить
стремительный бег
Песню любви уносить не спешите,
Допеть не успеем –
короткий наш век.

Припев
Уж с проседью локон.

Ты осень встречай.
Букет хризантем
Подари невзначай.

Страстью пылали сердца молодые,
В любви скороспелой
клялись навсегда,
Время нас мчало,
как кони гнедые,
Пылью дорожной вздымая года.

Припев
Завяла безвременно
чайная роза,
И сумрачным светом
покрылся закат,
И видно, зиме не бывать
без мороза –
Ушедшее к нам
не вернется назад.

Припев
Уж с проседью локон.
Ты осень встречай.
Букет хризантем
Подари невзначай.

Жить вредно. От этого умирают. Станислав Ежи Лец